

1

Поднялся ветер, и в углах большого бетонного дома с большими стеклянными окнами, завывала вьюга. Барабанная дробь по крыше постепенно усиливалась, ее приглушенный стук напоминал треск костра. Мощные порывы ветра стремительно сметали огромные белые дюны, лежавшие во внутреннем дворике. Мария Копонен туго затянула пояс своего кардигана и посмотрела из окон гостиной в темноту, на замерзшее море, которое в это время года напоминало огромное поле, а затем бросила взгляд на освещенную низкими фонарями тропинку, ведущую к причалу.

Девушка зарыла пальцы ног в плюшевый ковер, покрывавший пол почти целиком. В доме было тепло и уютно, почти как в коконе, но сегодня Мария чувствовала себя странно. Даже самые незначительные мелочи казались ей необычайно раздражающими: например, те проклятые дорогие фонари во дворе, которые все еще работали с перебоями.

Мария вышла из раздумий, когда игравшая до этого музыка внезапно затихла. Она прошла мимо камина к огромной книжной полке, где размещалась коллекция ее мужа: почти четыреста виниловых пластинок, выстроенных в пять аккуратных рядов.

С годами она привыкла к тому, что в этом доме нельзя услышать музыку из смартфона: винил звучит намного лучше. Именно так заявил ей Роджер много лет назад, когда она впервые увидела эту коллекцию. Тогда музыкальных альбомов было около трехсот — на сотню меньше, чем сейчас.

Меньше сотни. Тот факт, что за время их совместной жизни количество новых пластинок выросло так незначительно, заставляло Марию задуматься о том, как долго Роджер жил один до нее. Без нее. У нее самой до Роджера был только один мужчина: школьный роман, закончившийся ранним неудачным браком, а затем сразу же встреча со знаменитым писателем. В отличие от Роджера Мария не успела попробовать пожить наедине с собой, без партнера. Иногда девушка очень жалела о том, что у нее не было шанса узнать, что такое волнения юности, поиски себя, секс на одну ночь. Что такое свобода, в конце концов.

Марию несколько не смущало то, что Роджер был старше ее на шестнадцать лет. Однако ее терзала мысль, что однажды она может проснуться, охваченная чувством беспокойства и тревоги, тем самым чувством, которое не успокоится, пока вы не броситесь навстречу неизвестности достаточное количество раз. Роджер уже испытывал это в своей прежней жизни. Сейчас, в эту ненастную февральскую ночь, которую Мария проводит в одиночестве, она впервые увидела в этом угрозу их отношениям. Дисбаланс, который может опасно накренить их корабль в эпицентре настоящего шторма.

Мария подняла иглу проигрывателя, взяла виниловый диск кончиками пальцев и осторожно опустила его в картонный футляр, с которого на нее смотрел молодой художник в коричневой замшевой куртке и черно-белом клетчатом шарфе, самоуверенный и угрюмый. «Blonde on Blonde» Боба Дилана. Мария вернула пластинку на место и выбрала новую наугад, достав ее из конца аккуратно организованной по алфавиту коллекции. Мгновение спустя после короткого потрескивания из динамиков раздался медовый чувственный голос Стиви Уандера.

Внезапно она снова заметила что-то, на этот раз краем глаза. Ближайший к берегу фонарь во дворе на секунду погас и снова включился.

Он погрузился в темноту лишь на секунду, как и раньше. Мария знала, что световые элементы внутри фонарей заменили прямо перед Рождеством, она хорошо это помнила из-за необъяснимо большого счета за работу электрика. Все это очень ее раздражало.

Мария схватила телефон и набрала сообщение для Роджера. Она и сама не понимала, почему ей так хочется побеспокоить мужа, особенно зная, что сейчас он, должно быть, стоит на сцене и общается со своими читателями. Возможно, причина крылась в охватившем ее одиночестве, смешанном с неуверенностью и неоправданной ревностью. Мария некоторое время смотрела на отправленное сообщение, надеясь на то, что маленькие галочки внизу посинеют, но этого не произошло. Роджер пока не обращал внимания на свой телефон.

Вдруг запись будто заела на словах — *«то, что я собираюсь сделать. То, что я собираюсь сделать. То, что я собираюсь...»* Голос Уандера звучал неуверенно в этом странном кусочке, вырванном из прекрасного чувственного целого. Некоторые записи из коллекции Роджера находились в таком плохом состоянии, что их не стоило и хранить. Неужели в этом проклятом доме ничего не работает?

Внезапно девушку будто окатила холодная волна. Прежде чем ее охватило осознание происходящего, она выглянула из раздвижных дверей наружу и увидела чью-то тень. На мгновение ее контуры совпали с ее собственной тенью. Затем фигура двинулась навстречу ей, превращаясь в человека.

2

Роджер Копонен сел в кресло, обитое грубой, пропитанной потом тканью, и сощурился — прожекторы, свисающие с потолка главного конференц-зала, направлены прямо на людей на сцене. На мгновение все, что он видит, — это слепящий свет, он забывает о том, что перед ним и двумя его коллегами-авторами сидят четыреста любопытных читателей, которые набились в этот зал, чтобы послушать размышления своих любимых пьяниц-писателей об их последних романах.

Роджер понимал, что это мероприятие крайне важно для продвижения его книги, настолько, что он проехал четыреста километров по сильному снегу, добираясь до главной площади Савонлинны, остано-

вился переночевать в сомнительной гостинице, на первом этаже которой располагался посредственный ресторан быстрого питания с разукрашенными скатертями и сервировкой столов.

Но вот чего Роджер не понимал, так это причины, по которой эти милые жители Савонлинны потрудились явиться сюда в такую ночь. Несмотря на то что его книги разошлись миллионными тиражами по всему миру, он никогда не был кумиром, осаждаемым визжащими фанатами. Мало кто задумывается, но музыканты и писатели делают примерно одинаковую работу — один и то же шлак, только разная упаковка, — но именно первые вдохновляют женщин среднего возраста бросать свои трусики на сцену.

Однако люди все равно пришли. Большинство из них — пожилые, медленно склоняющие головы то в одну, то в другую сторону. Неужели они не устали от банальностей и поверхностных анализов, которые авторы книг извергают из себя словно спортивные комментаторы? Видимо, все не так, как кажется, ведь сегодня у них полный зал: ни одного свободного места.

Последний психологический триллер Роджера, выпущенный прошлой весной, был третьим и последним романом в его чрезвычайно популярной серии «Охота на ведьм». В общем-то его книги всегда продавались относительно хорошо, но «Охота на ведьм» стала бестселлером. Никто не ожидал такого прорыва, особенно его агент, который изначально скептически относился ко всему проекту, а также бывший издатель, с которым Роджеру пришлось по-

прощаться прямо перед публикацией первой книги из-за отсутствия уверенности в его перспективах. В течение нескольких лет права на перевод трилогии были проданы почти в тридцать стран мира, велись переговоры и по другим сделкам. Хотя с деньгами у них с Марией и раньше было неплохо, теперь они могли позволить себе все, что захотят. Внезапно вся возможная роскошь и удовольствия оказались совсем рядом.

Вечер проходил вполне предсказуемо, Роджер слышал эти вопросы сотни раз во время своих промотуров и отвечал на них на четырех разных языках, периодически меняя интонацию и мелкие детали с единственной целью — не заснуть от скуки среди всех этих ярких огней и натужного смеха.

— Ваши книги довольно жестокие, — произнес один из зрителей, но Роджер даже не оторвал взгляда от кувшина с водой, из которого он наполнял свой стакан уже в третий или четвертый раз. Он часто слышал эти слова и не мог с этим не согласиться. Жестокие убийства, садистские пытки, сексуальное насилие над женщинами, жуткое погружение в глубины больных умов были описаны в работах Роджера Копонена в самых подробных деталях.

— Брет Истон Эллис как-то сказал, что он прорабатывает свои страхи, описывая кровавые сцены насилия, — продолжал голос. Роджер все-таки перевел взгляд на человека, сидевшего в центре зала с микрофоном в руке. Он поднес стакан к губам, ожидая, когда мужчина наконец задаст свой вопрос. Вместо этого наступила довольно долгая неловкая пауза, пока мужчина собирался с мыслями.

— Вы боитесь? Поэтому вы пишете? — наконец подытожил мужчина ровным пронзительным голосом. Роджер поставил стакан на стол и внимательно посмотрел на худого лысеющего мужчину. Очень интересно. Это граничит с наглостью. Такого вопроса он никогда раньше не слышал.

Роджер наклонился, приблизив губы к микрофону на столе. По какой-то причине в этот момент он почувствовал, как в его животе что-то перевернулось. *Неужели я боюсь?*

— В книге вы описали свои страхи? — спросил мужчина и опустил микрофон на колени. В нем было какое-то раздражающее самодовольство: ни намека на привычные Роджеру уважение или почтение, которые приносит слава.

— Верно, — ответил Роджер и задумчиво улыбнулся. На мгновение он забыл о человеке, задавшем вопрос, его взгляд рассеянно начал блуждать по залу. — Я думаю, что чувства автора всегда находят отражение в романе. Вы не можете не писать о том, что знаете или думаете. Страхи, надежды, травмы, то, что осталось незавершенным, ну и, конечно, поступки, которые вы оправдали перед самим собой слишком легко...

— Вы не ответили на вопрос, — упрекнул его щуплый человек, снова поднеся микрофон к губам. Роджер почувствовал, как охватившее его поначалу удивление, сменяется раздражением. *Что это за вопрос? Я не обязан выслушивать все это дерьмо независимо от обстоятельств.*

— Не могли бы вы уточнить? — вмешался Паве Коскинен, именитый литературный критик, орга-

низовавший это мероприятие и выступавший в качестве модератора дискуссии. Он, без сомнения, считал, что справился со своей ролью с блеском, и теперь боялся, что его звездный гость, знаменитый писатель, автор трех международных бестселлеров, обидится. Но Роджер успокаивающе поднял руку и самоуверенно улыбнулся.

— Возможно, я не понял вопроса. Пишу ли я о том, чего больше всего боюсь?

— Нет. Не совсем так, — сказал мужчина необычно холодным тоном. Кто-то в первом ряду закашлял.

Роджер спрятал смущение за идиотской улыбкой.

— Не совсем?

— Да, мистер Роджер Копонен, — машинально продолжил мужчина, и в том, как он произнес имя, Роджер уловил не только сарказм, но и смутную дрожь. — Вы боитесь того, о чем пишете?

— С чего бы мне бояться собственных книг?

— Реальная жизнь всегда страшнее вымысла, — заметил этот странный человек и снова сел. В комнате повисло неловкое молчание.

Десять минут спустя Роджер сел за длинный стол, покрытый белой скатертью, в вестибюле, гудевшем от болтовни. Первым в очереди за автографом был Паве Коскинен, кто же еще.

— Спасибо, Роджер. Спасибо. И извини за этого болвана. Ты прекрасно справился с ним. К сожалению, не у всех есть хорошие социальные навыки...

Роджер улыбнулся.

— Не беспокойся, Паве, такие есть в каждой толпе. Единственное, за что каждый из нас несет

ответственность в этом мире, — наше собственное поведение, — ответил он и увидел, что Паве положил на стол все три книги трилогии. Нацарапав на титульном листе что-то якобы личное рядом со своим именем, он бросил взгляд на очередь поклонников перед собой и молча отметил, что щуплого чудака нигде не видно. К счастью. Он вряд ли сможет дипломатично справиться с провокацией лицом к лицу.

— Спасибо, Роджер. Спасибо. Мы заказали столик в ресторане отеля на девять. Там готовят потрясающее жаркое из баранины, — с улыбкой сказал Паве, стоя перед Роджером и прижимая книги к груди, как нетерпеливая школьница. Роджер медленно кивнул, опустив взгляд на стол, будто заключенный, только что услышавший свой приговор. Паве нетрудно будет догадаться, что Роджер предпочел бы удалиться в свою комнату. Он давно стал презирать праздную болтовню и вынужденное распитие вина, которые, насколько можно судить, не оказывали никакого влияния на продажи его книг. С таким же успехом он мог бы грубо отказаться, навеки зарекомендовав себя асоциальным недоноском.

— Звучит здорово, — устало ответил Роджер, скривив лицо в почти правдоподобной улыбке. Паве Коскинен удовлетворенно кивнул, тоже показав в улыбке зубы, казавшиеся достаточно белыми благодаря новым коронкам. Кажется, он не был уверен в себе.

Затем он отступил в сторону, освободив дорогу извивающейся веренице читателей, прижимающих к груди книги.

3

Сержант Джессика Ниemi завязала свои черные волосы до плеч в «конский хвост» и натянула пару кожаных перчаток. Машина издала тихий звук, когда девушка открыла пассажирскую дверь до полной остановки двигателя.

— Спасибо, что подвез.

Человек за рулем зевнул.

— Наверное, будет лучше, если никто не узнает, кто был за рулем.

Они смотрели друг на друга так, словно вот-вот должен случиться поцелуй. Но ни один из них не решился на первый шаг.

Это было так чертовски неправильно.

Джессика вышла из машины и прищурилась, когда ледяной ветер бросился ей в лицо. Ночью выпал сильный снег, а снегоуборочные машины, грохочущие где-то у школы, еще не добрались до берега. Джессика захлопнула дверцу машины и увидела перед собой входную группу большого современного дома — скромный передний дворик, аккуратно подстриженная живая изгородь из туи, кованые ворота. На улице перед домом были припаркованы два полицейских фургона, и, судя по вою сирен вдалеке, к ним приближались еще несколько.

— Добрый день. — Из машины вышел мужчина в темно-синем полицейском комбинезоне и подошел к Джессике. — Офицер Койвуахо.

— Джессика Ниemi. — Она показала ему свой значок, но ее коллеги в форме уже узнали ее. Она

краем уха услышала несколько своих прозвищ: Сержант Милашка, Лара Крофт, Красотка.

— Что здесь случилось? — спросила Джессика.

— Черт побери! — Койвуахо снял свою темно-синюю фуражку и потер лысину. Джессика терпеливо ждала, пока офицер возьмет себя в руки. Она бросила взгляд на дом и увидела, что входная дверь приоткрыта.

— Мы ответили на вызов в 10:15. Таскинен и я были довольно близко, так что мы приехали первыми из всех патрулей.

Койвуахо жестом пригласил Джессику пройти за ним через ворота. Она проследовала за ним, кивком приветствуя офицеров, ожидавших возле фургона.

— Что сказал диспетчер?

— Мы получили сообщение об угрозе самоубийства, — ответил Койвуахо, пока они поднимались на крыльцо. На каменном полу прихожей образовалась лужица от растаявшего снега. Ветер на секунду стих, и Койвуахо продолжил: — Дверь была открыта, и мы вошли.

Только теперь, при ярком свете фонаря на крыльце, Джессика увидела всю глубину страха в глазах мужчины. Она сгибала и разгибала ноющие пальцы, позволяя разуму нарисовать картину происходящего, опираясь на то немногое, что ей сообщили минутой назад по телефону.

— Значит, в доме больше никого нет? — спросила она, хотя знала, что ответ будет отрицательным. Койвуахо торжественно кивнул и снова надел шерстяную шапку, натянув ее до ушей.